

Глава 5 ИНСТИТУТЫ СОБСТВЕННОСТИ

"Разделяй и властвуй" или "Наша сила в единстве"?

В институциональной теории институты собственности понимаются как санкционированная обществом совокупность отношений, регулирующих порядок извлечения полезности из экономических благ через систему полномочий (*Нестеренко, 2002. С. 337*). Известное, сформулированное Т. Эггертссоном (*Eggertsson. P. 34-35*) "узкое" толкование полномочий, наиболее ясное и непротиворечивое, включает в себя следующий "пучок" прав, или полномочий, собственности.

1. Право доступа к благу, при котором владелец определяет, каким образом он и, конечно, с его согласия и другие, могут пользоваться полезными свойствами блага - это право владения.

- 99 -

2. Право извлекать доход из блага, или, шире - право пользования.
3. Право отчуждать благо, т.е. продавать, дарить, передавать по наследству, иными словами - право распоряжения.

Это определение, индифферентное по отношению к типам экономических систем, мы будем использовать как "строительные леса" при описании специфики отношений собственности, действующих в моделях X- и Y-экономик. Начнем с описания более известного науке и теоретического проработанного института, а именно, кратко охарактеризуем специфику института частной собственности в рыночных Y-экономиках.

5.1. Институт частной собственности в Y-экономике

Отношения собственности, вернее, их анализ представляет собой центральную, смыслообразующую часть институциональных теорий, поскольку в категориях прав собственности могут быть поняты и описаны отношения между людьми в соответствующих экономических системах (*Нестеренко, 2002. С. 342*). Права собственности понимаются как санкционированные обществом поведенческие отношения, которые возникают в связи с ограниченностью благ и касаются их использования. Иными словами, отношения собственности выводятся из ограниченности ресурсов: без этой предпосылки бессмысленно говорить о собственности. В соответствии с нашими исходными постулатами, а именно, обозначенным в 3.1 пониманием базовых институтов, институты собственности рассматриваются как существующие независимо от воли и сознания людей. Аналогичный взгляд на этот вопрос присутствовал в общественном сознании давным-давно. Например, еще в трудах Солона (594 г. до н.э.) и Клисфена (509 г. до н.э.) говорилось, что законы не создают отношений

собственности, они только закрепляют уже сложившиеся отношения.

Нам важно также отметить, что собственность всегда санкционируется обществом либо позитивно, либо негативно. Позитивные санкции означают одобрение обществом имеющейся структуры прав доступа к имуществу (ресурсам), негативное - неодобрение их, из чего вытекает необходимость изменить эту структуру в целесообразную для общества сторону. Поэтому отношения собственности, а точнее, институты собственности - это исторически складывающаяся система исключений из доступа к материальным и нематериальным ресурсам. Исключить других из свободного доступа к ресурсам означает специфицировать права собственности на них, т.е. закрепить права собственности таким образом, чтобы участники хозяйственной жизни совокупно извлекали из имеющихся в их распо-

- 100 -

ряжении средств наибольшую пользу. В конечном итоге, спецификация приводит к более эффективному использованию собственности, к повышению ее отдачи и снижению издержек.

Теориям прав собственности и теориям контрактов (сутью которых является соблюдение прав собственности), относящихся к рыночным Y-экономикам, посвящено огромное количество литературы, они излагаются в известных учебниках. Поэтому заинтересованного читателя мы отсылаем к следующим работам наших коллег по этой теме: *Капелюшников, 1990; Нуреев, 2001* и др. Также имеет смысл прочесть соответствующие главы из учебников: *Олейник, 2002; Шаститко, 2002; Мэнкью, 2002; Фишер и др., 1997* и т.п.

Уровень глубины и анализа проработки этих существенных отношений - отношений собственности - имеет в западной науке более чем двухсотлетнюю историю, начатую классической политической экономией, продолженную в *economics* и затем в неинституциональной теории. Поэтому изучение доминирующего в Y-экономике института частной собственности и форм его проявления - богаты и многообразны. Уровень этих исследований несопоставим, на наш взгляд, с необходимой глубиной проработки данного феномена в X-экономиках. В связи с этим корректным будет сконцентрироваться на основополагающих моментах, чтобы "по-крупному" показать различие институтов собственности, действующих в X- и Y-экономиках.

Итак, что прежде всего отличает институт частной собственности, доминирующий в рыночных Y-экономиках?

- Действие института частной собственности означает, что объекты собственности (материальные и нематериальные), могут быть четко обособлены и калькулированы, они принадлежат конкретным субъектам, которые несут издержки по их содержанию и использованию, а также распоряжаются получаемым доходом. Следствием этого является возможность для собственника как достижения высокой прибыли, так и банкротства. В основе обособления лежит, во-первых, некоммунальный характер делимой материально-технологической среды, выступающей исторически первичным средством производства, и, во-вторых, возможность получать от ее использования достаточный индивидуальный доход.
- Институт частной собственности означает, что объекты

собственности обособляются и "по вертикалям", и "по горизонталям" хозяйственных связей. "Горизонтальное" обособление очевидно. Собственники альтернативных благ в цепочке экономических отношений (обменов) противостоят друг другу как независимые хозяйствующие субъекты. "Вертикальное" обособление менее очевидно, но также присутствует: в иерархических структурах (мы не рассматриваем здесь отношения внутри одного объекта собственности, например, фирмы) собственность

- 101 -

верхнего уровня, например, федерального, строго отделена от собственности нижних уровней, последние сохраняют свою самостоятельность. Например, при феодализме, несмотря на господство отношений вассалитета, т.е. личной зависимости феодала от сеньора, основной объект феодальной собственности - земельный участок, или *феод*, - обособлен и отделен от собственности сеньора. Обозначенные выше права по владению, пользованию и распоряжению феодалом закреплены именно за феодалом, т.е. собственником земли. Четкое обособление объясняет, почему объекты частной собственности относительно легко и делятся, и складываются в самых разнообразных сочетаниях, что определяет высокий уровень мобильности отношений собственности.

- По поводу каждого объекта собственности существует (или может быть восстановлена) соответствующая "история собственности", фиксирующая субъектов, к которым она относилась.
- Институт собственности действует таким образом, что в обществе (и в хозяйственной среде) постоянно самовоспроизводятся и преобладают частные формы собственности. Возникновение альтернативных, так называемых общественных (публичных) форм собственности связано с заполнением "провалов рынка", то есть играет роль компенсаторного механизма. Их цель - поддержать условия эффективного функционирования частных форм собственности, являющихся основными производителями благ и субъектами экономических отношений.
- Базовый характер института частной собственности определяет специфику действия всех существующих в экономической системе форм собственности. Независимо от своего характера (смешанные, кооперативные, акционерные, муниципальные и т.д.), по сути, они выступают в системе хозяйственных отношений как обособленные частные собственники, обладая необходимой полнотой прав и ответственности и руководствуясь той же мотивацией на прибыль.
- При доминировании института частной собственности наиболее эффективными, как показывает экономическая история Y-экономик, являются именно частные хозяйствующие субъекты. Они обеспечивают, основные экономические достижения и процветание "своих" типов экономик. Соответственно, рынок и рыночные отношения (являющиеся неотъемлемой рамкой взаимодействия частных собственников), устойчиво закрепляются в общественном сознании как главная и наиболее

эффективная форма экономических отношений, а частная форма собственности - как общественно необходимая для прогрессивного социально-экономического развития.

- 102 -

- Основой анализа института частной собственности являются адекватные ему предпосылки, на которых базируется экономическая теория рыночной парадигмы: методологический индивидуализм, максимизирующее поведение индивида и достижение рыночного равновесия.

Отмеченные свойства института частной собственности, встроенного в систему институтов рыночных Y-экономик и являющегося ее органическим элементом, носят естественно-исторический характер. Свойства эти постоянно воспроизводятся, поскольку постоянно воспроизводится институт частной собственности. Это определяет убежденность и населения таких стран, и экономических теоретиков в неизбежности и целесообразности частной собственности, объясняет, почему она составляет одну из аксиом экономической теории по поводу такого типа обществ. Это же объясняет и их непонимание механизмов воспроизведения других экономических систем, в которых этот институт не работает. Более того, проблема часто ставится "с ног на голову": слабое проявление данного института и всего комплекса институтов Y-экономик выдвигается в качестве причины того, что другие экономические системы не работают столь же эффективно (с точки зрения рыночных критериев), как рыночные экономики.

5.2. Институт условной верховной собственности в X-экономике (на примере земельной собственности в России)

Институты собственности X-экономик не так тщательно анализируются современной наукой как естественное образование, а представление об их действии не так очевидно. Поэтому мы воспользуемся известным облегчающим понимание (нам и читателю) приемом, т.е. рассмотрим проблему на примере. Специфика института собственности в X-экономике рассматривается нами на примере института земельной собственности в России. Основой этого анализа стал фундаментальный труд группы известных специалистов-историков - коллективная монография "Собственность на землю в России: история и современность".¹ Его авторы не задавались целью проведения специального институционального исследования. Как сказано в предисловии, авторский коллектив "не предлагает каких-либо жестких схем, видя свою цель в ознакомлении читателя с как

1. *Собственность на землю в России: История и современность* / Под общ. Ред. Д.Ф. Аяцкова. - М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. (Авторы глав: Н.А. Горская, М.Д. Долбилов, П.Н. Зырянов, В.В. Журавлев, А.П. Корелин, В.Н. Колодежный, Л.Н. Доброхотов, Н.В. Владимиров, В.А. Динес, А.Н. Николаев).

- 103 -

можно более широким спектром взглядов на историю собственности в России" (*Собственность на землю...* . С. 15). Но содержащийся в этой

уникальной работе материал по развитию земельных отношений с начала российской государственности и до последних лет представляет не только исторический интерес. Эта работа актуальна и для тех, кто профессионально занимается исследованием земельного вопроса, и для экономистов и социологов более широкого плана, особенно - интересующихся закономерностями трансформационных процессов современной России и развитием ее институциональной структуры. На примере земельной собственности перед нами разворачивается тщательно прописанная картина последовательного развития социально-экономических отношений в сфере, всегда являвшейся объектом жарких дискуссий и неоднократного масштабного реформирования.

Не секрет, что сегодня во множестве работ мы имеем дело с распылением социально-экономических реалий между областью эмпирических представлений, обыденных фактов и мнений, с одной стороны, и заимствованных символов, понятий и отвлеченных принципов - с другой. Поэтому так трудно соединяются сегодня российская практика и экономическая теория. В этой же работе авторы последовательно и тщательно сверяют разнообразные сложившиеся в обществоведении подходы с анализом исторических данных, выводят причины и следствия экономических процессов из реалий и практического опыта российского населения и власти, постоянно пытавшихся методом "проб и ошибок" нащупать эффективные пути решения аграрного вопроса. Поэтому данный труд выступает, на наш взгляд, надежным фундаментом для исследований характера и существа института собственности в России, которую мы относим к государству с доминированием институтов X-экономики.

Одновременно в ходе такой работы мы попробуем показать перспективы и плодотворность сотрудничества институционалистов и историков. Известно, что для последних весьма актуальным является выбор парадигмы осмысления исторического процесса. Например, в анализируемой книге активно используются методология формационного подхода, и, соответственно, выделяемые в нем этапы развития способов производства. Например, первая глава называется "Собственность в феодальной России", и ее автор, Н.А. Горская, специально отмечает, что исходит из понимания исторического процесса, основанного на формационном подходе. Это, пишет она - сознательный выбор, основанный на том, что "Попытки отойти от этого понимания, подняться на более высокий уровень осмысления исторического процесса путем употребления понятий "цивилизационный подход", "доиндустриальное", "индустриальное" и "постиндустриальное общество" пока не принесли желаемого результата" (Там же. С. 9) Их оказывается недостаточно для характе-

- 104 -

ристики этапов и выяснения закономерностей социально-экономического развития российского общества. Но используемый - в силу отсутствия других теоретических схем - формационный подход также не является вполне адекватным. Авторы часто указывают, что попытки анализировать земельные отношения в терминах европейских концепций непродуктивны. Например, то же понятие "феодалная собственность" (прежде всего на землю) не является "полной частной собственностью", как это имело место за западными границами России

(Там же. С. 42). Поэтому историческая наука, анализируя факты, формирует перед обществоведами и экономистами запрос на адекватную методологию социального анализа и необходимый категориальный аппарат, позволяющие увязать наблюдаемые факты в цельную систему.

Исторические сопоставления в обществоведении, на наш взгляд, - это аналог экспериментальных данных в естественных науках. Здесь в качестве условий и приборов эксперимента выступает научная методологическая схема, которую предоставляют в распоряжение историков экономические и социальные теории. Методологическая схема, будучи аналогом лабораторного прибора, позволяет отслеживать и фиксировать "неизменные параметры" исторического процесса, не принимая во внимание "неважные", постоянно меняющиеся факторы и характеристики многообразной общественной жизни. Исторические исследования лежат в основе достижений и нобелевских премий западных институционалистов. В свою очередь, социально-экономические теории дают возможности для упорядочивания и целенаправленного анализа исторического материала. Свидетельством этого может служить приложение (в свое время) идей формационного подхода к историческим исследованиям. Одновременно история, исторические исследования выступают своеобразным фильтром для оценки теоретических концепций, предлагаемых сегодня обществоведами. Исторические данные позволяют верифицировать и углубить социально-экономические теории. Историки предоставляют в распоряжение всех обществоведов драгоценный исторический материал, на основе которого можно дополнительно аргументировать - или опровергнуть - положения тех или иных концепций. Поэтому осмысление земельных отношений в России с позиций институциональных представлений об X-экономике может иметь обоюдный интерес - и для нас, использующих исторические данные, и для историков, которым мы предоставляем новую схему систематизации накопленных данных.

Какие наиболее важные выводы в отношении института земельной собственности, не противоречащие нашей концепции, мы можем сформулировать?

Первый вывод состоит в том, что на протяжении всего исторического развития России доминирующим институтом, регулирующим

- 105 -

земельные отношения, действительно можно считать институт так называемой **"верховой условной собственности"**.² Данный институт постоянно порождает соответствующие ему *формы земельной собственности*, наиболее жизнеспособные в аграрном хозяйстве страны.

В чем сущность этого института? Во-первых, всегда существуют формальные и неформальные ограничения, в которых фиксируется право центральной власти в отношении земли, находящейся во владении и пользовании основных социальных субъектов. Во-вторых, верховная власть, являясь, по сути, собственником земли, определяет условия, выполнение которых обязательно для тех, кому эта земля передается во владение и пользование. Причем эта схема действует на всех уровнях иерархической властной вертикали - верхний уровень определяет условия для нижнего, в свою очередь, условия для него

самого формируют стоящие выше звенья.

Уже в Киевской Руси (X-XI вв.), как писал Л.В. Черепнин, у нас преобладала верховная государственная собственность на общинные земли, реализовавшаяся путем взимания дани (*Черепнин, 1953*). В домонгольской Руси формами землевладения, в которых выражал себя институт верховной условной собственности, были, помимо государственной собственности (в тот период ей соответствовала так называемая княжеская собственность - не путать с княжеской вотчиной), монастырские и церковные владения. Церковь и монастыри получали земли в результате княжеских пожалований, а также при государственной поддержке в ходе освоения новых территорий. В дальнейшем эти земли пополнялись за счет вотчин, передаваемых живущими (в дар) или умершими (по завещаниям) владельцами.

С середины XV в. формируется еще один сегмент, регулируемый институтом верховной условной собственности. Это - система условного землевладения в виде поместий - неотчуждаемой земельной собственности, определенной службой жалователю земли. В Судебнике 1497 г. поместные земли прямо рассматриваются как великокняжеские (*Памятники Русского права, 1955. С. 356*), т.е. подлежащие ведению центральной княжеской власти. Верховенство центральной власти и условность поместного землевладения сводились к запретам продавать и дарить землю, но не запрещалось права наследования. В обязанности помещиков входила деятельность по организации аграрного производства на переданных землях и попечение о работающих на них крестьянах, поступление в казну податей. Условием получения поместья было также несение тягот го-

2. В этом названии соединяются идея Л.В. Черепнина о *верховой собственности* государства на землю и *условная собственность* владения землей служилыми людьми, как ее называет Н.А. Горская (*Собственность на землю. С. 27*)

сударственной службы (прежде всего, военной). Тем самым началось создание слоя служилых землевладельцев.

Через 400 лет характер поместной (к 1850 г. она называлась помещичьей) собственности на землю сохранился. Н.И. Тургенев, известный ненавистник крепостного права, тем не менее признавал: "Русский помещик имеет не только права в отношении своих крепостных, но и обязанности, возложенные на него законом... Таким образом, само его право на землю до известной степени ограничено условиями" (*Тургенев, 2001. С. 409*).

В отношении монастырских и церковных земель также сохранялась определяющая роль верховной власти: контроль за приобретениями, обмена монастырских земель на государственные, земельные конфискации, испомещение на монастырских землях служилых людей и т.п. (*Собственность на землю. С. 26*). Именно верховенство государственной власти над церковными землями и отношение к ним как к резерву государственной земельной собственности обусловило проведенную в дальнейшем Петром I массовую секуляризацию церковных земель.

Накануне крестьянской реформы 1861 г. государственные, помещичьи и церковные земли, "население которых было обязано выплатами правителю государства, продолжали повсеместно

преобладать над территориями, находящимися в частном владении" (Там же. С. 15). Еще более определенно высказывался Л.В. Милов, один из авторитетнейших исследователей конца XX в. по проблемам исследования особенностей исторического процесса в феодальной России. Он писал, что "частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности" (Милов, 1998. С. 558).

Реалии советского периода российской истории не нуждаются в специальных комментариях - характер социалистической собственности, находящейся в распоряжении колхозов и совхозов, имел ярко выраженный условный характер, и порядок распоряжения землей определялся органами соответствующих уровней власти.

Российские реформы конца 1990-х годов также принципиально не изменили положения. По статистике 83% сельхозугодий находятся в частном владении у 11 млн граждан. Но не подтверждается частный характер землепользования. Поскольку, "во-первых, эти земли на отдельные участки для индивидуальных собственников в подавляющем большинстве не размежеваны, то есть де-факто земля не приватизирована, во-вторых, крестьяне в основной массе верны коллективным формам работы как более эффективным в современных условиях, в-третьих, ведение рентабельного сельского хозяйства без государственной помощи невозможно" (Собственность на землю. С. 521). Другими словами, фактически дольщики, или номинальные владельцы земельных паев, не могут обособить свой

- 107 -

участок и вести на нем самостоятельное хозяйство, реализовать участок, сдать в аренду и т.д.

Описываемый в монографии современный опыт Саратовской области по регулированию земельных отношений, часто исторически трактуемый как "распродажа земли" и уход государства из этой сферы, также подтверждает сформулированный вывод о доминировании института верховной условной собственности. Реализация принятого здесь - в опережение федерального - саратовского Закона о земле и связанные с ним мероприятия показывают, что именно участие правительства Саратовской области, областной Думы, слаженная работа региональных и муниципальных органов обеспечивают действенный контроль за оборотом земельных участков, мониторинг земель и развитие экономики землепользования, определяют ограниченный законами и правовыми актами характер права собственности на землю (Там же. С. 543-549). Постановление губернатора № 490 от 20 июня 1997 г. "Об установлении нормативной цены земли на территории Саратовской области" закрепляет верховенство региональной и федеральной властей (в соответствии с принятым распределением полномочий между регионами и федеральным центром) в регулировании земельного оборота.

Институт "верховой условной собственности", действующий в аграрной сфере российского государства, не является неким кентавром "власти и собственности", как это любят представлять некоторые ученые (Васильев, 1982), говоря о неразвитости и отсталости такого рода социальных форм. Напротив, структура названного института может быть проанализирована при помощи категорий, используемых сегодня в анализе института собственности. Институт верховной

условной собственности расщепляется на права распоряжения (закрепленные за верховной властью), владения (переданные землевладельцам, например, помещикам и монастырям) и использования (до советской власти это была община в разных ее формах, после революции - колхозы и совхозы). Развитие института собственности таково, что осуществление прав владения и использования последовательно сближаются (передача земли от помещиков к крестьянским общинам в 1861 г. и от государства, после национализации земли в ходе Октябрьской революции, - колхозам и совхозам). Современное состояние института верховной условной собственности на землю, как это можно видеть на примере передового опыта Саратовской области, подразумевает тщательную правовую проработку и законодательное обеспечение всего сложного пучка полномочий собственности между основными социальными субъектами, имеющими отношение к земле, разработку нормативной базы, необходимых инструктивных и регулятивных документов, работу по информационно-правовой пропаганде, обучение всех участников и т.д.

- 108 -

Проявление института верховной условной собственности в аграрной сфере позволяет зафиксировать наше внимание на основополагающем его отличии от института частной собственности. Оно заключается в том, что в X-экономике объект собственности часто не может быть четко обособлен "по горизонтали" и "по вертикали", "Малые" объекты собственности не обособляются, а являются "вложенными" как составная часть в более масштабный объект. В основе этого лежит коммунальный характер материально-технологической среды, и земля в России, как мы описывали в параграфе 3.3, исторически является именно таким объектом. Иными словами, коммунальную среду можно разделить "на бумаге", но ее нельзя расчлнить физически, и это составляет материальное препятствие для развития отношений частной собственности. Поэтому каждый раз естественно формируется условная верховная собственность, где верхний уровень, распоряжающийся коммунальным по характеру средством производства, определяет условия использования его составных частей отдельными хозяйствующими субъектами.

Внимательный анализ исторического и современного материала, проведенный в рассматриваемой книге и множестве других работ, показывает, что в России никогда не существовало частной собственности на землю в полном, классическом ее понимании. Таким образом, **второй вывод** состоит в том, что у нас имели место так называемые **квазичастные формы** земельной собственности.

Исторически первой формой индивидуальной крупной земельной собственности являлись княжеские села и охотничьи угодья, положившие начало княжеской вотчине, которая была отделена от государственных земель. Затем к вотчинным землям князя прибавились боярские села, полученные путем княжеских пожалований. Появились боярские (дружинные) вотчины, затем вотчины получали в свое распоряжение и дворяне. Вотчина являла собой владение, передаваемое по наследству, вотчинник имел право отчуждать свою землю без санкции князя. Но даже "владение полученной по наследству вотчиной не являлось индивидуальной частной

собственностью" (*Там же*. С. 43). Во-первых, само начало вотчинного землевладения приурочивается к элементу дружинному (т.е. военно-служилому); таким образом, получение вотчин связывается со службой и исходит от верховной власти. Во-вторых, за те или иные провинности можно было лишиться вотчины. В-третьих, права распоряжения вотчинами существенно ограничивались государством (особенно это касалось княжеских вотчин). В-четвертых, уже в Московском царстве с вотчины отбывается такая же обязательная служба, как и с поместья, т.е. условный характер вотчинной собственности становится еще более выраженным.

Все это характеризует вотчины как квазичастные формы, по содержанию не совпадающие с феодальной земельной собствен-

- 109 -

ностью европейских государств. "Для средневековья и раннего нового времени России применяемое относительно феодального государства и феодалов (а, тем более, относительно других социальных слоев и крестьянства в целом) понятие "феодальная собственность" (прежде всего на землю), не является "полной частной собственностью" (*Там же*. С. 42).

Другой формой индивидуальной земельной собственности, аналогичной частной, многие считают крестьянскую собственность после земельной реформы 1861 г. и, особенно, в ходе столыпинской реформы 1906-1907 гг. Насколько это справедливо? Что дает нам представленный в монографии материал?

Крестьянское право на землю после освобождения, как отмечал В.В. Леонтович, "не представляло собой субъективного права в гражданско-юридическом смысле" (*Леонтович*, 1995. С. 206). Это было право собственности, принадлежавшее крестьянину в составе общины. Общины делились на переделывающиеся и беспеределные. Именно последние, беспеределные, общины характеризовались подворно-наследственным крестьянским землевладением. В отличие от переделных общин, подворные общины утрачивают - временно или навсегда - земельно-распределительные функции. Но это не отменяло других функций общины. В условиях чересполосицы крестьяне продолжали быть связаны общими сроками сева и уборки урожая, которые определяла община. В общинном владении оставались угодья общего пользования (пастбища, выгоны, иногда леса). На общинном сходе решались дела о раскладке податей и т.д. Да и сама собственность крестьянского двора на землю могла быть реализована только внутри общины, смысл которой и состоял в совместном владении землей при индивидуальном ведении хозяйства каждым двором. Таким образом, действительно не представляется справедливым приравнять права крестьянина в составе подворной общины к правам реального частного собственника земли.

Через 50 лет после передачи земель помещиков в собственность крестьянской общины был сделан еще один шаг в сторону совмещения прав владения и пользования землей. В ходе столыпинской реформы создавались условия выхода крестьян из общины "на отруба" с принадлежащим им земельным участком. Но стал ли "отрубной" крестьянин частным собственником? Во-первых, земельные участки, с которыми выходили крестьянские семьи, были невелики, и реформа не решила проблемы малоземелья, характерной для России начала XX в.

Во-вторых, лишь части новых отрубников и хуторян удалось сделать что-то для улучшения своего земледельческого хозяйства. Основная масса либо разорялась, либо продавала землю и уходила в город, либо включалась в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела (*Ахиезер, 1997. С. 308*),

- 110 -

что подтверждают и данные других исследователей данного вопроса. Наконец, деятельность нового слоя проходила в условиях крестьянского раскола, вызванного столыпинской реформой. Так, за период до 1 сентября 1914 г. только 26,6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск (*Дубровский, 1963. С. 211*). Порой они могли пахать лишь под охраной. Поэтому трудно судить о формировании реальных прав нового слоя "частных собственников" в начале XX в., как ввиду крайней его малочисленности, так и ввиду отсутствия свободных условий деятельности.

Наконец, можем ли мы считать реальными частными земельными собственниками нынешних фермеров и различные сельскохозяйственные объединения, образовавшиеся на базе прежних колхозов и совхозов? Что касается сельхозпредприятий, то выше уже говорилось, что приватизации земли де-факто не произошло, в большинстве случаев она осуществлена лишь де-юре, т.е. "на бумаге". Анализ развития фермерских хозяйств также не подтверждает полномасштабной реализации ими прав частной собственности. Кроме того, класс фермеров достаточно малочислен. С 1994 г. его доля в аграрном производстве России колеблется на уровне 2%, а условия деятельности в решающей мере зависят от поддержки государства (*Калугина, 2002. С. 17*).

Особенностью функционирования квазичастной формы земельной собственности является ее "затухающий" характер. Возникающая в результате проводимых сверху реформ как специфическая и особенная, она со временем по юридическому и реальному статусам сближается с формами верховной условной собственности. Так, в анализируемой монографии отмечается сближение юридического статуса вотчины и поместья в течение XVII в. (*Собственность на землю. С. 21*). Далее, обосновывается неправомочность тезиса о качественном различии обычной и подворной общины; доказывается, что ошибочно трактовать общинное (передельные общины) землевладение и подворное (беспередельные общины) землевладение, являющееся результатом столыпинской реформы, как "докапиталистическое" и "капиталистическое". "Было бы ошибкой утверждать, что подворное землевладение носило чисто капиталистический характер, а общинное было пережиточным, докапиталистическим" (*Там же. С. 154*). Между ними было больше сходства, чем различий. Наконец, известно сближение статусов индивидуально-коллективной (колхозной) и государственной (совхозной) форм земельной собственности.

Таким образом, историческая память России не содержит устойчивых феноменов функционирования частной земельной собственности. Внедряемые формы имели квазичастный характер, и дейст-

вовали они в условиях доминирования верховной условной собственности на землю.

На протяжении всей российской истории продолжается трудный поиск оптимального соотношения двух названных форм собственности, и это третий вывод, который можно сделать из анализа истории российских земельных отношений. В современной рыночной теории - как в мейнстриме, так и в неонституционализме, - вопрос соотношения частных и публичных форм собственности подробно обсуждается, поскольку является важным компонентом экономической жизни западных стран. На языке институциональной теории определение оптимальности такого соотношения можно считать поиском институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, вернее, институциональными формами, в которых они выражают себя на поверхности хозяйственной жизни. Как шел поиск такого оптимума в аграрной (земельной) сфере России?

Экспертно суммируя разные оценки, можно увидеть, что квазичастная (и личная) форма собственности всегда занимала подчиненное положение и была распространена существенно меньше: в разные исторические периоды ее доля не превышала трети всех земель России (Русского государства, Российской империи), используемых в аграрном производстве. Например, какова была доля вотчинных земель в средние века? Соотношение вотчин и поместий постоянно менялось - то превалировала раздача поместий, то раздача вотчин. Но если грубо предположить, что в период их широкого распространения в среднем пропорция поместий и вотчин была примерно одинакова (такое предположение позволяют сделать приводимые на страницах книги данные), то долю вотчин, или квазичастной собственности к середине XVII в. можно оценить на уровне 25-30%.³

За время аграрной реформы 1906-1907 гг., крестьяне, желавшие выйти из общины, не стали преобладающей социальной группой, даже несмотря на активную государственную поддержку. За период до 1 сентября 1914 г. выделилось около одной пятой всех крестьян (Ахиезер, 1997. С. 304), причем процесс выделения крестьян из общины носил затухающий характер: "подавляющее число домохозяев (74%) на десятом году реформы, а, точнее, по состоянию на 1 января 1916 г., оставалось в общине... Немало вышедших вновь вернулось в общину" (Холодков, 1995. С. 58).

3. Оценка выполнена на основании данных примерных расчетов Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана (*Собственность на землю*. С. 25); в середине XVII в. духовенству принадлежало 16% земель, дворцовому ведомству - 8, черносошному крестьянству и др. свободному населению, зависимому от системы государственной собственности - 20, боярам и дворянам (владельцам вотчин и поместий) - 56%. Половина этой величины и составляет примерно 25-30%.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ходе реформирования 1990-х годов. Закон РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизация колхозов и совхозов создали в начале 1990-х годов

предпосылки для самостоятельного ведения хозяйства для всех желающих. С каждым годом фермерских хозяйств становилось все больше и больше. Но, начиная с 1994 г., темпы прироста фермерских хозяйств сокращаются. При этом стал нарастать процесс разорения крестьянских хозяйств. Начиная с 1997 г. число хозяйств, прекративших свою деятельность, стало превышать число вновь создаваемых хозяйств (Калугина. С. 15). Если в 1997 г. число фермерских хозяйств по сравнению с предыдущим годом сократилось на 1,5 тыс., то в 1998 - на 4,3 тыс., в 1999 - на 4,1 тыс., а в 2000 г. - уже на 9,1 тыс. (Россия в цифрах. С. 203). Поскольку причины этого явления многообразны, мы фиксируем внимание читателя лишь на количественном результате, совпадающем в тенденции с предыдущими аграрными реформами.

Всплеск роста квазичастной собственности приходится, как правило, на периоды так называемых либеральных реформ. Они, в свою очередь, следуют после кризисов, в периоды которых доля квазичастных форм ничтожна. По завершении кризиса или по истечении срока активной реформаторской деятельности доля земли в квазичастной собственности снова уменьшается. И если она уменьшается до такой степени, что условная верховная собственность начинает тотально доминировать, страна вновь приходит к аграрному кризису. Поэтому таким важным является определение пропорций, в которых должны быть представлены и та, и другая равно необходимые формы собственности.

Устойчивость и выбор конкретных социально-экономических форм, в которых реализуются отношения земельной собственности в России, обуславливаются, в конечном счете, не политической волей властей (как хотелось бы сторонникам кардинальных преобразований) или спецификой менталитета и культурных образцов (как утверждают сторонники консервативного хода вещей). В каждый момент истории проведение земельной политики представляет собой последовательно формирующийся труднейший компромисс между различными группами интересов акторов (как сказали бы социологи), действующих в аграрной сфере. Историки дают нам глубокий социологический анализ умонастроений и предпочтений различных социальных групп, выражающих их интересы в отношении земельной собственности - правительства, помещиков, дворян, "земельных аристократов", представителей крестьянства, различных партий. Тем самым снимается исторический налет многочисленных мифологем, социальных штампов и на основе разнообразных исторических источников - от царских рескриптов до эпистоляристики - восстанавливается суть имевших место споров в соотнесении их с ре-

альной социальной практикой. Становится ясно, что та или иная организационная форма, меняющаяся во времени, но следующая в русле исторической эволюции, является оптимальным решением вопросов выживания государства как целого или всей совокупности аграрного населения, составляющего остов его социальной структуры. Другими словами, устойчивость экономического выбора диктуется целесообразностью, или, говоря современным языком институционалистов, следует закону экономии трансакционных издержек.

Экономические отношения формируются в тесной и непосредственной связи с условиями ведения сельскохозяйственного производства, территориальными различиями в климате, плодородии почвы, системах земледелия и т.д.

Показательны в этом плане история и устройство крестьянской общины. Ограничимся здесь лишь рассуждениями экономического характера, не анализируя роль общины в социальной и административно-поселенческой структуре российского государства. Во-первых, община являлась элементом экономического механизма, обеспечивающего непрерывность аграрного производства в условиях рискованного земледелия, характерного для большей части страны. Во-вторых, община обеспечивала выживание каждого отдельного крестьянина. Так, система полос, часто плохо понимаемая, по сути, служила страховым условием получения определенного количества урожая каждой крестьянской семьей. В условиях нестабильного климата чересполосица нивелировала влияние месторасположения участка и ограждала крестьянские хозяйства от разорения. "Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый - на взгорках" (*Собственность на землю*. С. 159). Так что семья оставалась с хлебом и могла нести тягло по выплате податей, идущих на общегосударственные расходы. В-третьих, имела свои основания и система переделов, периодически запрещаемых центральным правительством, особенно во времена столыпинских реформ. Их целью являлось приведение во взаимное соответствие наличных сил крестьянских семей и того объема сельскохозяйственного труда, который был нужен общине для выполнения своей экономической роли в масштабах государства. Рост или уменьшение семей имели следствием соответствующее изменение площади обрабатываемых участков. В-четвертых, в условиях общины суммарные издержки на освоение новых технологий были существенно меньше. Так, переход от традиционного трехполья к более совершенным севооборотам для подворной деревни был более труден, чем для общинной (*Там же*. С. 155). Со временем, как отмечают исследователи, задача совместного выживания членов общины заменялась задачей поддержания исправных хозяйств и воспроизводства рабочей силы,

- 114 -

а затем - и задачей повышения доходности совместно используемых земель (*Там же*. С. 176).

Ретроспективный анализ земельных отношений иллюстрирует инновационные представления современной отечественной и мировой экономической мысли о роли естественного отбора в соревновании различных форм собственности, "при котором различные группы населения - номинальные или титульные, собственники, управляющий персонал, работники, арендаторы - обладают теми или иными полномочиями по владению, распоряжению и использованию собственности" (*Абалкин*, 2003. С. 739). Каждый раз в истории доминируют те институциональные формы, которые соответствуют базовому институту экономической системы. В России таким формами являются те, в которых выражает себя присущий X-экономике базовый институт условной верховной собственности.

5.3. Резюме

Возвратимся к эпиграфу этой главы. Выбирая между выражениями "Разделяй и властвуй!" и "Наша сила в единстве", отметим, что справедливость любой максимы имеет относительный характер. В X-экономиках, сформировавшихся в условиях коммунальной материально-технологической среды, объединение необходимо. Институт условной верховной собственности в такой среде - исторически, порой мучительно, формировавшаяся - как это видно на примере земельных отношений в России, - социальная технология выживания и развития. Она имеет становой характер, несмотря на известные истории уродливые проявления связанных с ее функционированием издержек. В свою очередь, для некоммунальной среды западных стран органичным является доминирование института частной собственности - основного в системе базовых институтов Y-экономик. Обособленная, разделенная собственность, при которой действуют сопутствующие ей институты конкуренции, прибыли и т.д., - исторически найденная обществом необходимая структура организации хозяйственной жизни. И несмотря на не менее известные проблемы, связанные с функционированием такого рода экономических систем, доминирование частной собственности более соответствует целям общественного развития, чем иные формы организации экономической жизни. Значит, именно разделение как основное содержание собственности здесь необходимо.

Формирование институтов собственности имеет естественно-исторический характер. Условиями выбора тех или иных форм является, в конечном счете, реализация принципа экономической эффе-

- 115 -

тивности. Чем эффективнее - по критерию снижения издержек и повышения результатов - будет санкционированная обществом структура прав собственности, тем более высока вероятность ее закрепления. И хотя в пределах каждой экономической системы можно выделить основную, присущую именно ей форму собственности, это не только не исключает, но необходимо предполагает существование ряда других форм.